

М. ВЕЛЛЕР

МАХНО

Михаил Веллер

Махно

«Издательство АСТ»

Веллер М. И.

Махно / М. И. Веллер — «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-049244-2

Новая книга Михаила Веллера в остросюжетной форме, опираясь на сенсационные документы, рассказывает о великих и удивительных деяниях легендарного батьки Махно – командующего Революционно-повстанческой армией Украины, борца за свободу простого народа, убежденного анархиста.

ISBN 978-5-17-049244-2

© Веллер М. И.
© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава первая	8
1.	8
2.	9
3.	9
4.	9
5.	9
6.	10
7.	10
8.	11
9.	11
10.	11
11.	12
12.	12
13.	12
14.	13
15.	13
16.	13
17.	14
18.	14
19.	14
20.	15
21.	15
22.	15
23.	15
24.	16
Интермедия	17
1.	17
2.	17
3.	18
4.	18
5.	18
6.	19
7.	19
8.	21
9.	21
10.	21
11.	21
12.	22
13.	22
14.	22
15.	22
16.	22
Глава вторая	23
1.	23

2.	23
3.	23
4.	24
5.	24
6.	24
7.	25
8.	25
9.	26
10.	27
11.	27
12.	27
13.	27
14.	27
15.	27
16.	28
17.	28
18.	28
19.	28
20.	28
21.	29
22.	29
23.	29
Глава третья	31
1.	31
2.	31
3.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Веллер

Махно

Предисловие

Какие фантастические герои, какие тайны и приключения! История – это вроде газона, постриженного рьяным и неумелым садовником: замусорен и крив, хотя трава срезана под гребенку. Но если ты не веришь этой стрижке и умеешь копнуть – под каждой кочкой тут клад! а садовник-историк – лишь ленивый сторож.

И в стародавние советские времена брежневского застоя листал я, небрежный и любопытствующий студент, БСЭ – Большую советскую энциклопедию. Издание третье, темно-синее, пятьдесят четыре тома с дополнительными, выходило в первую половину пятидесятых. Там был еще Берия, а примечание к дополнительному тому уже велело страницы о Берии и портрет-вкладку между ними «удалить». О! Историк удаляет истину, как хороший стоматолог – зуб под наркозом: и не услышишь. А потом протезирует на месте дырки.

А недалеко от Берии жил на ту же букву Блюмкин. И он был эсер, и он убил германского посла в Р.С.Ф.С.Р. графа Мирбаха. Так... А в 1927 году он был награжден к десятилетию Советской власти Золотым оружием ВЧК!!! О-па! Эсеры служили в ЧК, убийцу посла отнюдь не расстреляли – в те-то крутые времена, а он служил дальше и был награжден! Те-те-те. Стоп. Значит, это Советская власть убрала Мирбаха?..

Мирбах жил на другой полке, на букву М. А во время I Мировой он жил в Швейцарии – был там послом Германии!.. А большевики тоже сидели в Швейцарии... и темные слухи о договоренностях с немцами и немецких деньгах на революцию... так должны были общаться с Мирбахом, дело-то было серьезное... и вот именно Мирбаха немцы перебрасывают послом в Москву... старые связи? И убрать его – много знал! Блюмкину – приказ! Ух ты...

Нет для ума занятия восхитительней, чем реконструировать по крупичкам и открывать правду, разъятую на нескладные фрагменты и спрятанную наемными историками власти и идеологии. Историк, как вообще любой козымапутковский специалист, подобен флюсу: роет свою делянку, особо не задаваясь смыслом причин и корней всего леса в целом.

Если бы я не был писателем, я был бы врачом, а в свободное время – историком. Потому что занятий интереснее в мире не существует. Разве что физика. И биохимия. И философия, конечно, так ею я и так занимаюсь.

В те времена с историей особо не побалуешь. Все вставало на спецхран, пользование светопересъемкой было подсудным делом, фотопересъемкой занимались только шпионы в кино. По крошкам и обломкам мы тщились проникнуть в суть времен.

И я прочитал в той же энциклопедии. Доставшейся в наследство от деда и проданной позднее в голодный час. Среди многого прочего... Ах, любя ж ты моя, восемнадцатый годочек!

Что в восемнадцатом, страшном огнем и кровью, пьянящим верой и надеждой году – полумифическому, легендарному батьке Махно было – двадцать девять лет!

И был награжден батько Орденом Красного знамени! И под командованием Фрунзе брал Перекоп! И умер в парижской эмиграции в сорок пять лет.

...Поздней, потом, еще. И был батько мал ростом и худ, и не силен физически. И тих голосом, и скромн видом. И живуч, как кошка, живуч, как гадюка, вынослив, как сыромятный ремень. Никогда не был растерян, не знал страха, не знал колебаний. И такое превосходство воли и духа было в его глазах, иногда синих, иногда темнеющих до черного, что подчиняться ему – хотели.

И был он человеком идеи. И превыше всего ставил справедливость. И девиз жизни был: «С угнетенными против угнетателей – всегда!»

Если вы посмотрите в небесную голубизну, и зоркость ваша подобна многократному приближению к любому предмету, то черная точка окажется ястребом. Распластавшись на невидимом воздушном потоке, он парит и скользит, чуть пошевеливая маховыми перьями на концах крыльев. И два солнца отражаются в немигающих глазах.

Крошечный белый штрих пытается пересечь пространство, искаженное в выпуклых глазах, как в увеличивающих линзах. Мощными взмахами разогнавшись и мчась с воздушной горы, ястреб подбирает угласто скошенные крылья, из обтекаемого тела вдруг топырятся когтистые лапы и бьют с лёту растерявшегося и отчаянно перепуганного голубя. С высоты не слышен тихий писк, и только белое перо кружится и танцует в воздухе, медленно опускаясь.

Вот оно уже опустилось к уровню антенн Эйфелевой башни, вот почти исчезло на фоне белизны Сакрэ-Кёр, купол которой вздымается над Монмартром. Полупризрачная белая запятая, как кораблик, мчится над разноцветными крышами и зеленью бульваров, и уже совсем низко над кладбищем Пер-Лашез.

Перо опускается на дорожку, идущую вдоль сероватой цементной стены, и номерные таблички с именами и датами вмурованы в стену: урны с прахом за ними. Вот порядковый номер: 6686. И небольшой бронзовый барельеф, курносый густоволосый человек со впалыми щеками.

Латинские буквы, арабские цифры, французская земля:

НЕСТОР МАХНО

1889–1934

Порыв ветра, шелест листвы, прихотливые тени несутся по зеленой бронзе, словно лицо неуловимо меняет выражения.

Перышко взлетает и цепляется за ветку.

Часть первая

Ястреб над пожаром

Глава первая

Детство

1.

Белое перышко, зацепившись, дрожит на ветке. А ветка эта за окошком, серым от свинцовой пыли. Шлепают типографские машины, плывут отпечатанные листы.

– Шабашим! Обед. – Работяги достают снесь.

Двор, акации, пыль, солнце, тень: типографщики обедают.

А в пустом помещении, у наборной кассы, девятилетний мальчонка – ученичок и прислуга за все «подай-принеси». Сопя, он неловкими маленькими пальцами подцепляет литеры из ячеек, составляя строку на верстатке. Замедляется... выходит к наборщикам:

– Это какая буква? – показывает литеру.

– Это – как вся наша жизнь, – мрачно бурчит один.

– Это какая? – не понимает мальчик, маленький, худенький, но с напряженным лицом уличного зверька-отчаюги.

– Это «г», – жует ломоть житного с салом другой наборщик. – Не понял?

– Не, – отвечает мальчик. – А «в» как будет? Дядя Микола?

Тот рисует букву ногой на песке.

И когда они заходят обратно после обеда – мальчик, мазнув по связанной строке краской, оттискивает ее на обрывке бумаги.

– Та-ак, – один заглядывает, проходя мимо. – Первую букву надо брать заглавную, – развязывает обмотку строки из суровой вощенной нити, меняет букву. – А здесь мы, брат, лучше поставим тире. А в конце нужна точка, но лучше – восклицательный знак.

– *С угнетенными против угнетателей – всегда!* – читает вдруг голос за их спинами. Это подошел хозяин типографии. Мальчик получает подзатыльник, смятая бумажка летит в мусорный ящик.

– А ты, большой дурак, чему пацаненка учишь?

– Да он уж выученный, – смеется Микола.

– Типографские рабочие есть передовой сознательный авангард рабочего класса, – нравоучительно сообщает седоусый наборщик у окна; пальцы его мелькают, литеры с негромким дробным прищелком приставляются в строки. – Пацан правильно жизнь понимает, Дмитрий Терентич.

– Хватит итальянить, агитаторы! Без угнетателей-то и на кусок хлеба заработать не можете... только и просятся на работу, прими да заплати.

Привычный рабочий ритм и шум, когда в типографию влетает мальчишка чуть постарше нашего:

– Нестор! Там батьку!..

– Чего?

– Секут!

– Где?

– Да в усадьбе же! Шабельского!

Нестор обезьяньим движением хватает с края верстака шило, которым наборщики выковыривают неверную литеру из верстки, и выскакивает.

2.

Их было пятеро братьев Михненко, мал-мала меньше: Емельян, Карп, Григорий, Савва и Нестор. Махно – была с детства уличная кличка их отца, Ивана Родионовича. Из крепостных был Иван, в новые времена у своего помещика конюхом и остался.

3.

– К-куда? – здоровенная рука дворового холопа отшвыривает Нестора за шкуру.

На козлах для пилки дров привязан отец. Он без рубахи. И коренастый бородач с оттяжкой хлещет по спине, и рубцы вспухают и сочатся красным.

Нестор поднимается из пыли, утираясь, выхватывает шило и всаживает холопу в бок. Собравшийся народ ахает. Бородач с кнутом на миг отвлекается от своего занятия. Холоп выдергивает шило, с ревом сгребает Нестора и начинает лупить по чем попало. Тогда на него бросаются остальные четверо братьев, как мартышки на медведя. Нестор, извернувшись, вцепляется мелкими острыми зубами в ненавистную руку. Вопль.

Два оскаленных сторожевых пса несутся на братьев, поспешно перескакивающих из ограды усадьбы вон.

Со свистом ложится бич на иссеченную спину. Вздрагивает и теряет сознание отец.

– Убью звереныша, – бормочет холоп, заматывая тряпкой прокушенную руку и трогая след от шила в плотном боку.

4.

В хате перед отцом – четверть горилки и нехитрая снедь: огурцы, помидоры, картошка. Он выпивает еще полстакана и не закусывает. Обнажен по пояс, на спине – тонкий рушник, пропитанный подсолнечным маслом, и вязка через грудь удерживает его.

– А вороной у него давно был на передние бабки разбит, – в который раз повторяет он. – А я трезв был, и неостывшего его не поил, шо я, дурный?..

– Хватит пить-то, батя, – говорит один из братьев.

– Цыц! Мне лечиться надо...

– Да уж все деньги... пролечил... – вздыхает мать, рано старящаяся и начавшая гнутья долу.

Отец засаживает еще полстакана и грохает кулаком по столу:

– А кони мою руку чувят! – Охает, белеет и берется за сердце.

5.

Из хаты выходит седенький доктор (черный сюртучок, шляпа, саквояж).

– Полный покой, – повторяет он через плечо. – И никакого спиртного!

Приподнятый в постели на подушках, отец шепчет ему вслед:

– Много ты понимаешь... Я если не выпью – перережу их всех... и что: повесят – это лучше?

6.

Зной, простор, холм, дорога. Жидкая колонна кандальников тащится по дороге, звякает цепь, цыкает плевков, мокра от пота серо-белая рубаха конвойного солдата – редок и равнодушен конвой.

– Куда их гонют, интересно... – произносит Нестор.

– Знамо куда – на каторгу, – отвечает один брат.

– А может и вешать, – замороженно смотрит другой.

– А интересно, за что их всех...

– Интересуетесь государственными преступниками, молодые люди? – произносит интеллигентный голос за их спинами.

Господин не господин... приличного вида, нестарый еще человек, явно из образованных, подошедший незаметно.

– Могу удовлетворить ваше любопытство. Куда? В харьковский централ. Там рассортируют: кого в тюрьму, кого в Сибирь, кого на виселицу. Еще вопросы? А: за что. За то, что им не нравится, как устроена жизнь.

– А как она устроена? – недоверчиво любопытствуют братья мнение незнакомца, зачем-то набивающегося в компанию.

– Одни люди не работают, зато богатые. Другие работают, но все равно бедные. При этом богатые приказывают, а бедные слушаются.

– А нечего слушаться, – зло говорит Нестор.

Незнакомец достает из портмоне ассигнацию:

– Кто тут младший? Сбегай, принеси-ка мне пару пива, а вам всем – фруктовой воды.

7.

В тени у ограды незнакомец стелет носовой платок и аккуратно усаживается. Пацаны опускаются на траву, срывая пробки с лимонада. Незнакомец открывает свое пиво одним из ключей шегольского перочинного ножа.

– Вольдемар Антони, – протягивает всем по очереди руку.

– Грек, что ли?

– Это не важно для человека – грек, немец, украинец или еврей. Разницы нет. Вот вы – кто такие?

– Мы? Братья Махно. А в чем разница?

– Разница? Кто работает, а кто нет. Кто заставляет другого на себя горбатиться, а кто нет. Кто хочет жить свободно, а кто заставляет людей подчиняться – хоть закону, хоть власти. А национальность ничего не значит.

– Революционер, – говорят Карп.

– Социалист, – говорит Емельян.

– Да нет, хлопцы. С социалистами свободным людям не по пути. Они все шеи в один хомут всунуть хотят. Свободному человеку только с анархистами по пути.

– Это куда?

– Это туда, где все свободно трудятся, и все вопросы между собой решают сами по справедливости. А власти над ними нет никакой.

Задумываются и следят за колечками дыма, которые пускает Антони из-под усиков, изящно куря папироску.

– А если кто поспорит?

– Общество соберется и рассудит.

- А если украл?
- Или убил?
- Общество соберется и накажет.
- Как? В тюрьму посадит?

– Э, нет. Лишение свободы анархия отрицает. Измываться над человеком и лишать его воли нельзя. Или простить на первый раз – или убить, раз не исправляется. Дурную траву с поля вон. Ты что делаешь, малец?

Нестор положил опустевшую бутылочку из-под сидра на плоский камень, разбил ее другим камнем и стал толочь стекло.

Стекло хрустит. Нестор сопит. Камень дробит искристую крошку.

8.

На скотобойне колют и свежую свиней.

– Дядь, дайте немного требухи...

– Да ты как сюда забрался? – скотобоец в окровавленном фартуке, с ножом в руке, обращается к Нестору. – Тебе что, есть дома нечего? Так хоть бы в хлебную лавку шел, а что сюда...

Отхватывает кусок кишок и протягивает мальчику.

Маленькая рука, преодолевая брезгливость, сжимает кусок окровавленной плоти.

9.

В хате мать пересчитывает на столе медную мелочь и выходит на рынок. Отец спит на животе, рубцы подсохли корками, остатки горилки в шкалике рядом с кроватью.

Нестор закрепляет за край стола мясорубку, разворачивает бурый сверток и прокручивает мясо в фарш.

Поспешно моет за собой мясорубку. Фарш на куске ржавой жести уносит.

В бурьяне за хатой лепит котлетки. Вытаскивает из-под камня спрятанный пакетик и сыплет в котлетки толченое стекло.

В хате (мать уже вернулась) он, улучив момент, берет с запечки один из двух коробков спичек.

10.

Ночью у ограды помещицкой усадьбы Нестор тихо свищет. Два огромных сторожевых пса выскакивают из темноты, рыча в щели меж досок. «Хорошие песики...» – котлетки по одной летят к псам, хватающим их на лету.

Нестор то спит в траве, прикрывшись курточкой, то пробуждается и лежит, глядя в небо: звезды отражаются в глазах, рот сжат.

Тихо скуля, выпускают дух в усадьбе псы.

Мальчик лезет через ограду.

Крадучись, из тени в тень, бесшумно скользит по неясному пространству. Достигает хозяйственных построек. Спотыкается!

Отчаянный куриный вопль! заполошное кудахтанье.

Замирает!

Вдали под навесом сонный сторож с берданкой на коленях разлепляет глаза, прислушивается и – звуки затихают – опять впадает в забытие.

Достигнув стены конюшни, Нестор медленно обследует постройку вокруг, трогает замок на воротах. Конский всхрап изнутри.

Очень осторожно мальчик опускает на бок пустой бочонок, подкатывает к стене и влезает в узкое горизонтальное оконце под крышей.

Пережидая стук сердца, пытается разглядеть окружающее внутри конюшни. Чиркает спичку.

Кони в денниках. Кипа сена в конце прохода у стены.

На ощупь доходит до сена и поливает его керосином из припасенной заранее бутылочки. «Не помешает. Лучше пойдет!»

Чиркает спичкой – и спокойно смотрит, как пламя охватывает сено, доски, дверцы ближних денников. Подпрыгивает, хватается за край окошка и ловко проскальзывает наружу.

11.

Суется народ, расплескивая воду из ведер и плеща в огонь: не подойти к пылающей постройке. Со звоном и топотом мчат четверкой пожарные звери-кони красную бочку с насосом. Далеко играет зарево в улетающем вверх сине-черном небе.

Не оглядываясь, спокойно и деловито шагает в темноте мальчик.

12.

- Ты чего в запечке шарисься?
- Ничего, мамо.
- А где был?
- Объявления срочные относил.
- Ночью?
- Ну говорю же – срочные. Поздно печатали.
- А ж это не от тебя керосином так пахнет?
- Нет. Чего это от меня.
- А почему лампа пустая оказалась?
- Кака лампа? Я почем знаю.
- Ой, донюшко, чует мое сердце... тревожно мне... Есть хочешь?

13.

Мать порет Нестора:

- Говори, где ночью был! Говори, где ночью был!
 - Ну хватит бить, – спокойно просит он.
 - Ты знаешь, кто Шабельского конюшню сжег? Знаешь?!
 - А если знаю, то что? – рассудительно говорит мальчик. – Пускай лучше не знаю.
- Отец выливает остатки из штофа в стакан, выпивает, крикает, пророчит одобрительно:
- Ох, найдешь ты себе бед на свою голову!

Мать, подхватившись, бьет сына снова, и вдруг, обняв его и баюкая, заливается слезами и тихо, безнадежно воет.

- Ничего, мамо, – тихо и серьезно утешает Нестор. – Я от вас все стерплю. – Сжимает рот и белеет; обещает кому-то: – А больше ни от кого не стерплю. – И добавляет не совсем понятно:
 - И никто не должен!

14.

Овцы щиплют траву, луг, пастух, заросли кустов.

Пятеро братьев сидят в кустах.

Вдруг один куст начинает медленно передвигаться, близясь к крайней овце! Пастух дремлет, пригревшись на солнце.

Пара маленьких рук, высунувшись из куста, зажимает овце морду, чтоб не заблеяла. Другая пара рук ловко опрокидывает ее набок.

В балке жарят мясо на костре. Срезают, пробуют, обжигаясь.

– Надо лопату принести, – говорит Нестор.

– Зачем лопату?..

– Што, уси дурные? Шкуру да кости прикопать. Да поглубже.

– А поглубже-то зачем?

– Точно, дурные. Шоб собаки не разрыли! Савка, сбегай по-быстрому.

– Домой бы снести, старикам, – говорит Карп.

– А спросят – откуда? – вздыхает Гришка.

– Отец убьет, – сомневается Емелька.

И тут на краю балки возникает вихрастая голова:

– Эй, Махно! Там отец ваш...

И сразу делается нехорошо и тревожно.

15.

Кладбище, и крышка некрашеного гроба накрывает лицо и скрещенные руки отца. Стук забиваемых гвоздей; на истертых вожжах опускается гроб в яму. Падают комья земли, и песня возникает тихо, словно из пространства над людьми:

...Прощайте же, братья, вы честно прошли свой доблестный путь благородный...

И стоят у могилы пятеро братьев Махно, по ранжиру мал-мала младше, и с меньшего края Нестор. Рыдает на свежем холмике полуседающая мать – и вдруг странная гримаса, как страшная улыбка, искажает лицо мальчика и застывает.

И бешеное пламя пляшет и бьется в его глазах.

16.

Это бьется белый огонь за дверцей вагранки. Расплавленный металл, как огненная патока, тягучей дугой струится в формы и застывает, теряя цвет от оранжевого к багровому.

Остывшие чугунные заготовки подручный клещами подхватывает из хрупкой глины и кидает рядом на тележку.

Эту тележку Нестор везет в дальний край цеха. Там надевает асбестовые рукавицы и дополняет аккуратный штабель.

Утирает пот рукавом прожженной брезентовой куртки. Жадно глотает воду из жестяной кружки, прикованной цепочкой к баку.

Подзатыльник:

– Опять отлыниваешь? – рявкает мастер. – Только бы прохладиться!

...Теперь Нестор говорит подручному формовщику:

– Больше клади, а то мастер ругается.

– Куда тебе больше?

– Давай. Вон те давай.

- Да они еще горячие!
- Ничего. Свезу.

И, чуть отъехав, осторожно передвигает пару еще светящихся заготовок к самому краю тележки. Взмахом сбрасывает асбестовые рукавицы на темный цементный пол и дует на ладони.

Медленно толкает тележку, зыряка исподлобья. Рулит к мастеру и, объезжая его со спины, вдруг резко дергает свой груз назад и вбок.

Горячие болванки валятся мастеру на ноги. Тот отпрыгивает и вопит:

- Охренел?!

Нестор смотрит ощерившись. Поединок взглядов. Работяга рядом, поняв, крутит головой: «Ну и ну».

17.

Кабак, и металлисты с получки пьют в кабаке. И Нестор с братьями за столом:

- Две пары чаю, пироги с вишнями и медовых пряников! – командуют половому.
- И графинчик вишневой наливочки, – раздается интеллигентный голос из-за их спин.

Это подошел знакомец – Вольдемар Антони. Он подсаживается к братьям и разводит по рюмкам темно-рубиновую влагу.

После очередного графинчика братья теплеют и плывут в мечтательных и бессмысленных улыбках. Ан-тони втолковывает тихо старшему, Емельяну, клонясь к его уху:

– Он спаивает народ и сосет из людей трудовые гроши. А мы на эти его деньги народ освободим! – стучает кулаком.

– Освободим! – икнув, подтверждает Гришка, слушающий сквозь истому и полусон. Средние братья ревнуют к старшему, которому оказывается внимание; Нестор равнодушно пьет чай.

18.

– Лышенько ты мое, ведь отовсюду тебя гонят!.. – причитает мать. – С училища выгнали, над попом ты смеялся. С типографии выгнали, срамные слова ты хозяину напечатал. С завода выгнали, говорят, мастера покалечить хотел. Куда ж ты пойдешь, куда ж теперь тебя пристроить-то?

- А зачем меня пристраивать? – супится Нестор.
- Да как же зачем-то? В ученье, в люди чтоб вышел...
- Я, может, не во всякие люди выходить хочу...

19.

– Нет, – неловко, но решительно говорит Емельян щеголеватому, при соломенном канотье и пестрой бабочке, Вольдемару Антони. – Не будем мы кабатчика экстра... экспрори...

– Экспроприировать, – светски подсказывает Ан-тони.

– Грабить, короче, не будем! – отрезает Емельян.

– Совесть мучит, что ли? Так это вы награбленное им же – для пользы людей вернете.

– Вот ты и возвращай.

– Я же говорил: вы мне нужны, потому что сам я под надзором. С меня фараоны глаз не сводят.

– Во-во. А нам фараоновы глаза даром не нужны. Ищи дураков!

20.

Бакалейная лавка.

– Хлопчик, ну-ка подмети, вон там, в углу, рассыпано!

– Лестницу подай-ка!

– Сверху вон ту банку достань!

Бах, тресь, дзиннь!..

– От байстрюк! От безрукий! Шоб ты сказився!

Арбузно – бух! – головой об стенку.

Нестор хватает нож для обрезки шпагата и молниеносно приказчик полоснует по руке – сатиновая рубашка в крапинку окрашивается по разрезу красным. Приказчик ахает и отпрыгивает.

...Нестор вылетает в дверь и катится по пыли. Поднявшись, хватается камень и запускает в витрину. Звон и грохот! Свисток городского сверлит знойный воздух вслед убегающему мальчику.

21.

– Значицца, так, – говорит Нестор. – Деньги мы заберем. Но половину тебе – на революцию, а половину нам – на еду.

– А вот если берешь для себя – это не революционная экспроприация, а бандитский грабеж, – отвечает Антони.

– Как хочешь, – мальчик пожимает плечами. – Ищи других.

– Слушай. Вы же сами – народ. Неужели для народа не можете совершить нужную вещь? Мы оружие купим, освобождение всех трудящихся готовим!..

– Если мы – народ, давай так. Я отдаю тебе все.

А потом ты мне – сам! – даешь половину. Потому как мы нуждающиеся.

– Далеко пойдешь! – посмеивается Антони. – Брат твой старший не согласен. И остальные тоже.

– Моя забота. Согласятся. Левольвер дашь?

– Одолжу. Как обещал.

И протягивает замороженному Нестору маленький никелированный «лефоше».

22.

На дверях книжной лавки – реклама нового выпуска «Ната Пинкертон»: красавец-сыщик преследует преступника в черной маске. Проходящий Нестор смотрит внимательно.

23.

Уже ночью кабатчик пересчитывает выручку, сгребает в мешочек мелочь, складывает ассигнации. Стук в заднюю дверь.

– Кто там?

– У жены падучая случилась, пена идет! Доктора звать надо!

Кабатчик открывает дверь – и фигура в маске приставляет револьвер ему к животу:

– Деньги! Живо! Все!

Другая фигура накидывает петлю ему на шею и быстро приматывает к опорному столбу под балкой, как кокон. Фигуры обшаривают стойку, буфет, конторку, ящики. Открывают печную выюшку и отвязывают от нее сверток: деньги!

– У-у, г-гады! – бьется кабатчик.

– Рот! – командует маленькая фигурка, и ограбленному запихивают в рот край полотенца, которым вытирают стойку.

– Скажешь полиции – уьем! – Грабители исчезают в темноте.

24.

Днем с Антони в балке делят деньги.

– Осторожней надо, – говорит один.

– В Гуляй-Поле больше ничего не надо, – говорит другой. – Подальше от дома.

– А Шабельского я все одно сожгу, – говорит Нестор.

– Револьвер, – протягивает руку Антони.

– Какой револьвер?

– Ну, без шуток!

– Потом отдам, – говорит Нестор. – Далеко спрятан. Еще пригодится. Ты себе другой купишь, ты знаешь где.

– А ведь мы теперь преступники, – с некоторым удивлением говорит Савка.

– Вы теперь – борцы за народ, – дозирует смесь чувства и напыщенности Антони.

Интермедия

Россия доводилась: держитесь, гады!

1.

Малая репетиция, малая демонстрация, малое пророчество всех революционных ужасов в России – произошло непосредственно в день коронации Государя нашего Императора и Самодержца Николая II Александровича. И говорили же ему: «Саша, меньше помпы, папа совсем недавно умер», – но наш главный был очень тих и вежлив сверху и с невыразимой тупой упертостью упряма внутри.

На Ходынском поле приготовили угощение, чтоб порадовать народ: горсть дешевых пряников и конфет, увязанных в ситцевый платочек. Это был тот самый бесплатный сыр, который оказался положенным в мышеловку! Ходынский пустырь превратился в мышеловку для десятков тысяч бедных халявщиков. Произошла давка, и двое суток трупы задавленных вывозили обозами: счет пошел на тысячи. Эхо от треска костей народных встало над страной и Европой.

Ну так надежда-Царь отметил происшествие светскими торжествами двора по случаю вступления в должность, а также радостей предстоящего венчания. И говорили же ему: «Ваше Величество, неудобняк получается, траур по погибшим объявить надо бы, танцы с выпивкой как-то сейчас не того, скорбь государя по подданным как-то слабо выражают...» Реакция государя напоминала уставной приказ боцмана на военном корабле: «Команде песни петь и веселиться!»

Прессе было приказано информацию придерживать. Не веря газетам, народ пробавлялся слухами. Мнение было определено: ох да не к добру это все!

А люди серьезные, то есть умные и деловые, сделали выводы. Первое: умом и предвидением парень наверху не блещет. Второе: можно рвать свой кусок – сейчас бардак, а завтра вообще неизвестно что будет.

Итак:

1894 год. Треск костей и стоны задавленных над слипшейся толпой бедноты русского простонародья. Сносимые массой праздничные декорации трибун-однодневок. Цензурный запрет на правдивые картины трагедий. Веселье, блеск и изобилие во дворцах власти. И воры, широко раскрывающие карманы.

2.

Итак:

Объявили капитализм нужным и полезным к развитию державы. Он и до того уже разворачивался, но тут – догонять резвый и комфортный Запад решили!

А для присмотра за свободными предпринимателями – с необходимостью разрастался чиновный аппарат: а как же! слуги и хранители казны и государства!

Чиновник втыкал предпринимателю палки во все места, и ответно предприниматель всовывал чиновнику взятки во все дыры. Согласно закону эволюции, процесс нарастал, и в нарастании этого процесса чиновникам, то бишь государству, виделся несомненный прогресс. Прогресс – это когда мое положение улучшается с каждым днем. А поскольку государство – это я, то мы же лучше видим, что государству нужно.

О-па! И засветился нимб пророка над седыми кудрями сластолюбца и мстительного бездельника Маркса, экономиста-ниспровергателя и апокалипсиса-утописта, укрывшегося в Лондоне немецкого еврея и иждивенца эксплуататорских талантов фабриканта Энгельса.

Потому что верхи действительно бесстыже богатели, а низы действительно шли из хоть что-то имущих крестьян в вовсе ничего не имущий пролетариат, и тот пролетариат выжимался бизнесменами и нищел.

Бродивший по Европе призрак коммунизма шагнул в Россию.

3.

Блеск золота мешает видеть не только призраки, но и реальную твою смерть. А после нас – хоть потоп, хоть глобальное потепление!

Россия конвертировала золотой рубль, и национальная валюта стала тверже, чем таран торжествующего жениха в экстазе! Жених пошел налево, и национальная валюта стала ложиться в европейские банки и оплодотворять европейскую экономику. Э? У... Да, вывоз капитала за рубеж. А потому что у себя дома – еще неизвестно что будет, и чиновники всех разновидностей обдерут до костей.

Легко представить, кто лоббировал конвертацию национального рубля в таких условиях. Да те, кто его вывозил.

И возникала точка зрения в верхней части общества: а, все равно ничего не исправишь, так остается только урвать свое, пока не поздно. А народ все равно пьет, ворует и работать хорошо не хочет.

И – зеркально – точка зрения в нижней части: все богатые – суки, воровство и взяточничество – повальные, все разговоры о благе народа и государства – ложь для отвода глаз и успокоения: ну так нам тоже все можно! мы тоже всего хотим! и делаем все, что по силам.

Страна шла вразнос.

О Господи. Все новое – хорошо забытое старое; а хоть и не забытое.

4.

Строго говоря, русско-японская война началась из-за того, что в оккупированной и разделенной на зоны влияния Корее генерал Алексеев не поделил деньги с японскими чиновниками. Жадный и экономически озабоченный генерал влез с парой-тройкой бизнесов в японскую сферу. Японцы выразили протест, и вследствие малого роста и плоских желтых лиц были посланы орденоносным генералом туда, где промеж японскими самураями даже в старые времена случался гомосексуализм. Подумаешь, русская лесопилка пилит корейский лес там, где японцы сами хотели. Мы им обещали? Перетопчутся.

Токио выразил протест Санкт-Петербургу, и верхушка оборонного ведомства проконсультировала по этому вопросу Государя в том духе, что мы выдержим ноги всей Японии силами одного пластунского полка.

А-а-а!!! Запахло оборонными заказами и войсковыми поставками! Экономическая партия войны услужливо раскрыла кошельки для министров и генералитета, одновременно готовя мешки под денежный дождь.

А эксперты по внутренней политике доложили, что маленькая победоносная война благотворна для консолидации населения против внешнего врага, внутрисоциального примирения и вообще радости и оптимизма под патронажем Короны.

Тем более что и железная дорога на Тихий океан уже построена.

5.

Боже, как воровали!

Царев батюшка, даром что алкоголик, был плодovit. Его приплод выжирал страну, как кролики – морковную грядку. Один из Великих Князей патронировал Военно-морской флот. Как-то он спер деньги на пару броненосцев.

О, министр путей сообщения! «Ваше превосходительство, я вручу Вам за это решение пять тысяч, и об этом никогда не узнает ни одна живая душа! – Давайте десять, и пишите об этом хоть во всех газетах!»

Деньги на армию, строительство, дороги, образование, семенное зерно для крестьян пострадавших губерний, казенные заводы – уходили в роскошные особняки, дачи, экипажи, пиры.

Покупались и продавались: чины, должности, решения, законы.

6.

Низы ненавидели власть как чужую себе и не верили ничему.

Народившийся средний класс властью брезговал.

Верхушка относилась к декларациям собственной власти с циничной иронией, а к политике собственной власти – со вздохом понимаемой неизбежности.

Эта триединая хрень называется «революционная ситуация».

7.

Наверх вы, товарищи, все по местам! Нет сил не упомянуть геройский подвиг «Варяга». Мойте руки чище – мы прикасаемся к легенде.

Крейсер «Варяг», филадельфийской постройки корабль, купленный у США, стоял в гавани Чемульпо вместе с канонерской лодкой «Кореец». Заметьте: в преддверии войны, с учетом работы штабов и разведок – никаких конкретных планов и предупреждений моряки не имели.

К внешнему рейду приблизилась японская эскадра и сообщила семафором и беспроволочным телеграфом, что поскольку началась война, японцы требуют русские корабли сдать им. Команда может убираться куда угодно, в противном случае русские корабли будут обстреляны и утоплены. Но поскольку Чемульпо – нейтральный порт, и в нем много кораблей других стран, и японцы не хотят их повредить, то стрельбы они не хотят. И вот вам даже несколько часов на размышление. Мы понимаем, что моряки – люди чести, вы можете пока снести со своим командованием.

Каперанг Руднев, командир крейсера, забил телеграммы в петербургское Адмиралтейство. Доложите обстановку. Доложил обстановку. Что думаете предпринять? Согласно полученному приказу. А сами? А сам жду приказа! Вашего! Возможен ли прорыв в Порт-Артур к нашим основным силам? Да вы что: эскадра блокирует выход! Приказать сдаться мы вам не можем. А что делать???!!! Попытайтесь прорваться, действуйте по обстановке, честь русского флага держите на высоте. Не сомневаемся в вашем мужестве и командирской зрелости. (А чтоб вы все сдохли!!)

На «Варяг» направляется начальство порта и капитаны стоящих в нем судов – немцы, французы, англичане: господин капитан первого ранга, японцы угрожают бомбардировать порт в случае укрытия в нем кораблей враждебного государства, то есть ваших. Решайтесь, пожалуйста, на что-нибудь.

Руднев мучится и тянет время. Адмиралтейство мычит и молчит.

Господин капитан первого ранга, неблагородно прикрываться мирными нейтральными судами от врага! Это будет позор на весь мир!

Руднев плюет, играет снятие с якорей и боевую тревогу, выходит из порта и поднимает боевой выпел. Удивленные японцы оттягиваются назад, чтоб перелетом не задеть порт. На семафор сдать «Варяг» дает полный ход на норд-норд-ост в сторону Порт-Артура. Эскадра дает залп, «Варяг» и «Кореец» отвечают. Пристрелка, накрытие, японские разрывы на «Варяге». Полным ходом русские разворачиваются и возвращаются в гавань. Японцы прекращают огонь и следом не гонятся.

Из семисот человек команды на «Варяге» – тридцать семь убитых в результате японских попаданий. Итог: вступили в бой с превосходящими силами противника, есть повреждения и потери, попытка прорыва не удалась, вынуждены вернуться в порт, честь сохранена.

Адмиралтейство всё предписывает действовать по обстановке.

Портовые власти и капитаны гражданских судов негодуют. Не хотят подвергаться опасности, к которой непричастны.

Японцы предупреждают, что вынуждены будут принять меры. И требуют от порта, коли он нейтрален, не укрывать военные корабли воюющей стороны.

Русское правительство велит избегать международного конфликта и блюсти престиж России.

Руднев принимает решение и ответственность на себя, что и требовалось начальству, и отдает приказ. Экипажи с личными вещами, судовыми документами и кассой сходят на берег. Подрывные команды устанавливают на днища подрывные заряды и открывают кингстоны, после чего гребут к берегу.

На ровном киле корабли садятся на грунт – на неглубоководье внутреннего рейда. (Вскоре японцы откачают воду и поднимут их, введя в строй своего императорского флота. Под именем крейсера «Соя» бывший «Варяг» будет ходить под флагом восходящего солнца вплоть до 1916 года. Потом Япония передаст его уже союзной России, и «Варяг» погонят в ремонт и переоборудование в Англию, и по дороге он утонет уже окончательно.)

Итак, Руднев показал себя грамотно мыслящим командиром: заведомо бессмысленная и неудачная попытка прорыва была лишь обозначена, бой обозначен, потери обозначены! Отступление в надежде спасти корабли и людей оправдано! Затопление перед угрозой захвата кораблей врагом или урона престижа России вследствие обстрела японцами нейтрального порта – такое затопление выглядело мужественным решением. И Адмиралтейство ни в чем не виновато. И миру продемонстрировали храбрость и благородство.

Затонуть в бою на морской глубине – это, конечно, совсем благородно: не дать врагу захватить свои корабли и погибнуть с честью, не спустив флаг. Но это слишком уж.

А затопиться в гавани сразу – как-то не храбро, не боевито.

А тридцать семь убитых из семисот экипажа: и потери ерундовые, и к чести России их гибель.

Руднев правильно понимал политику правительства и двора.

Японцы чуть-чуть попрактиковали комендоров в стрельбе и получили два малоповрежденных и легко поставленных в строй боевых корабля.

А русские!..

Торчание в международном порту до последней возможности – не упоминали. Короткую морскую стычку объявили ожесточенным сражением. Самозатопление подали как акт самоотверженного мужества несдавшихся. Бегство обратно в порт и ту подробность, что затопились в порту, организовано сойдя на берег с вещами, замолчали вообще. Число жертв не уточняли. Но подчеркивали превосходящие силы японцев.

Пропаганда обернула мелкую, удачную и бескровную победу японцев – при беспомощности и реальном бездействии (за невозможностью предпринять что-то значимое) русских кораблей – моральной победой и славным делом. Газеты запели!

Команды привезли по железной дороге в Петербург. За это время один восторженный германец написал песню о «Варяге», ее мгновенно перевели на русский – дословно!

(Ауф дек, камараден, ауф дек!)

Песней встретили моряков, и запела вся страна! Царский прием в Зимнем дворце, поголовно георгиевские кресты, торжественный обед! Фотохроника!

Пропаганда работала иногда отлично. Сто лет почти все уверены, что корабли погибли в бою, предпочтя это спасению.

8.

Японцы сноровисто вломили русским под Ляояном и Мукденом. Русские броненосцы были частично утоплены, частично захвачены, мало кто ушел во Владивосток, Порт-Артур пал. Генерала Куропаткина поносили, генерала Стесселя судили. В стране шли слухи о воровстве интендантов, бездарности командиров и безжалостности к жизням солдат. Инвалиды крутили шарманки, и щемящий вальс «На сопках Маньчжурии» высекал слезы из глаз.

9.

А потом японцы быстро и без потерь со своей стороны утопили в Цусимском проливе почти весь русский флот. Это потрясло!.. Потрясенные искали оправданий и объяснений. То говорили о несравненном героизме русских моряков – хотя и к вечеру сражения, и еще на следующий день целый ряд оставшихся на плаву броненосцев выкидывал белые флаги – прося японцев снять раненых и оказать помощь. То придумывали сказки о небывалой японской взрывчатке – «шимоза» – хотя это еще одно название пикриновой кислоты, она же лиддит, которой тогда начиняли снаряды морских орудий все флоты мира. То объявляли уже то, что флот вообще дошел от Кронштадта до Цусимы, морским подвигом. А поражение – потому что порох в тропиках отсырел (веками болтались в тропиках английские и испанские армады, паля из пушек – и попадая в цель!).

Короче, японская война подорвала веру народа в мощь России. Национальное унижение. Рассказы о всеобщей неумелости и раздолбайстве. Бессмысленность жертв. Неспособность власти организовать военные действия. Нищета и бесправность нижних чинов.

10.

А вот и питерские рабочие пошли к царскому дворцу: просить зарплаты не ниже прожиточного минимума (напоминает?!). Дурак-царь съехал из столицы в загородную резиденцию, дурак-градоначальник организовал стрельбу по толпе с женщинами и детьми.

А вот и brave казаки, опора трона, еще никем не обижаемые, полосуют шашками «бунтовщиков».

А вот хлопают револьверы эсеровских боевиков из подворотен, из толпы!

11.

А это Москва, а это в ней – Красная Пресня, и баррикады на Пресне. Револьверов мало, и винтовочек мало, и динамита мало, так ведь и власть нерешительна. Перевернутые трамваи, и трехдюймовки на улицах, и снежок на лицах убитых, и двадцатилетний Троцкий – первый партийный организатор первой русской революции.

12.

Взбунтовались матросы на полуразобранном в ремонте вспомогательном крейсере «Очков», покидали в воду офицеров, позвали с берега уволенного с флота за исчезновение судовой кассы тридцатидевятилетнего лейтенанта Шмидта. Тоже обиженный!

Взбунтовались матросы на броненосце «Потемкин», покидали в воду офицеров, обстреляли одесский порт двенадцатидюймовым главным калибром (зачем?!).

Сытно кормят матроса – шестьсот пятьдесят граммов в день одного только мяса, да каши с приварками, да два фунта хлеба, да водки чарка к обеду, а чарка та – шесть унций, 170 грамм, стакан водки! Играет силушка в матросе, а веры ни во что уже нет, и социалистическая гниль расплзается в трюмах.

13.

По Бессарабии гуляет с шайкой лысый здоровенный бандюган Гришка Котовский: грабит и жжет богатых.

14.

Встают ночами зарева над Малороссией, над Новороссией. Режут помещиков, пристреливают полицейских, взрывают судей и губернаторов.

15.

И выходит царский манифест о воле, и собирается первый в истории страны парламент, и сутками напролет мелют воду в ступе краснобаи Первой Думы.

16.

И вешают террористов военно-полевые тройки. И называют петлю «столыпинским галстуком». И публика в судах рукоплещет оправданным террористам. И права свободной личности милее всем «мыслящим людям» прав ненавистного и продажного государства.

И никто больше не хочет жить как сейчас. И все предчувствуют, что непрочно все, что грядут неслыханные перемены.

Глава вторая

Бандит будущей революции

1.

Торговец вечером закрывает свою лавочку: продает крюк в шкворень ставня, торчащий в отверстии оконного косяка, вынимает выручку из кассы, задувает керосиновую лампу. Когда он поднимает взгляд – перед ним в темноте блестят лишь зубы, ослабившиеся в жуткой улыбке, и белки глаз.

Бедняга вскрикивает и бросается к двери! И там выход ему загораживает такой же невидимый злодей: оскал и буквально светящиеся глаза!

Бросается в сторону – и третий оскал говорит ему в лицо:

– Ты чего скачешь? Успокойся. Тихо стой, я сказал!

Стальной острый проблеск зеркально играет на уровне живота, и обмерший торговец судорожно втягивает воздух. Быстрые, ловкие, неласковые руки обшаривают его карманы, вынимают портмоне из одного кармана, аккуратный пакетик мелких жеваных купюр из другого, часы – из жилетного. Выдергивают из брюк ремень, сажают послушную жертву на стул:

– Ты шо, штанцы намочил? От робкий какой. Чи жалко так?

– Не жалко! – горячо убеждает торговец.

– От это правильно. Чаго их жалеть, грёши? Завтра тебе новых нанесут, верно?

Связывают ему руки позади спинки стула поплотнее, чтоб не сразу освободился. Рот затыкают носовым платком.

Глаза уже привыкли к темноте, и торговец различает три некрупных силуэта, причем лица такие же темные, как одежда, невидные в темноте, хотя кисти рук слабо белеют.

– Доброго здоровьичка. Тихо сиди! Не то в другой раз спалим!..

И исчезают.

2.

Лунный вечер, и трое моются у колодца.

– А не отмывается тая сажа, – жалуется один голос. – Гришка, сбегай мыло принеси.

Другой брат пересчитывает деньги, сбиваясь и морщась:

– Сто пятьдесят один целковый... – Вертит у носа часы: – Золотые, кажись...

3.

На конспиративной квартире заседает «комитет» – профессиональные подпольщики, социалисты и анархисты: и десятка человек не насчитает кучка за столом.

– Мы вкладываем эти сто пятьдесят рублей в общую кассу, – Антони кладет деньги на стол, – на том лишь условии, что как только набирается пять тысяч – они идут на доставку оружия и взрывчатки из Румынии.

– Кажется, уже договорились, что первая тысяча идет товарищам в Екатеринослав на издание газеты, – нервно перебивает социал-демократ в клочковатой бородке и треснувшем пенсне.

– Товарищи, товарищи! Ведь решили, что в первую голову материально поддерживаем программу партии социалистов-революционеров – агитация среди крестьянства, партийная литература, средства для товарищей, непосредственно готовящих подъем масс и свержение

помещичьего порядка! – эсер лезет в карман, сначала достает наган и стучает его на стол, и только потом выуживает папиросную пачку и закуривает.

Социал-демократ чахоточно перхает и демонстративно разгоняет дым рукой.

Антони кладет поверх денег золотые часы:

– У кого там в Александровске был знакомый владелец часового магазина?..

4.

Братья Махно сидят в зале синематографа и под треск проектора наслаждаются новым зрелищем. Тапер бренчит на пианино сбоку экрана на сцене, подсолнечная шелуха фонтанами летит на пол.

На экране злодей, лохотный, как денди, входит в роскошный ювелирный магазин и достает огромный черный револьвер. Встает титр: «Спокойно! Это налет!» Продавцы испуганно и послушно поднимают руки вверх. Владелец магазина сверлит взглядом лицо злодея, но оно от глаз и ниже закрыто шелковым платком. И вдруг завязанный на затылке платок соскальзывает под шею!

Выйдя из кино, Нестор критически осматривает одежду – свою, братьев, и морщится, вздыхая.

– Одеться надо, как людям!

– Да? А деньги – ты дашь?

– Нет. Деньги – ты возьмешь.

5.

Лавка с претензией на шик: антиквариат, золоченые багеты, серебряные портсигары и часы с брелоками.

Пятеро изящно одетых молодых людей входят, и последний переворачивает на дверях табличку так, что теперь сквозь стекло с улицы читается «закрыто». Другой сует в ручку двери ножку стула – теперь действительно закрыто.

– Спокойно! – командует самый небольшой из них – ломким мальчишеским голосом. И быстрым движением поднимает до самых глаз алый шелковый платок. – Это налет!

Револьвер подкрепляет его слова. Продавец, хозяин у кассы и клиент, которому он отсчитывал в этот момент деньги, только тяжело вздыхают: такое время!..

– Получше-ка вещички ховай сюда! – велит рослый брат желтому от волнения приказчику и извлекает из-за пазухи бывалую холщовую торбу. – Ни! Ты те ложки оставь собі. Сережки с камушками вон те, портсигар... медальон вон тий...

Трое подходят к хозяину и клиенту, меньший налетчик берет из рук клиента золотые часы с цепочкой.

– Тю! – рассматривает их. – Где я таки вже бачил? – И опускает себе в карман.

– Закрой рот и открой кассу! – командует другой. – Давай, быстро, ну!

Они исчезают через минуту.

6.

Антони хохочет, разглядывал неразменные часы:

– Ну молодцы!

Хохочут и братья.

– Ну что... – говорит Антони. – Вы серьезные товарищи, революционеры – экспроприаторы. А возмемся мы с вами по всякой мелочи...

- Какая ж мелочь!.. – Нестор задет.
- Какая? Такая. Ну – четыреста пятьдесят рублей. А риска? А наказание, если поймают?
- Так а вещи еще?
- Эти побрякушки еще продать надо. Нет, ребята, так мы с вами будем на революцию до-олго собирать. Есть план – как сразу и в дамки.

7.

Грунтовая дорога, желтеющая в траве, поднимается на холм. Кустарник с одной стороны, небольшой глиняный карьер – с другой.

– Так! – говорит Антони троим юношам, один из которых – Нестор. – Твои – по сигналу выскакивают из кустов и перекрывают дорогу, хватают коней под уздцы. Твои – из карьера, и сразу к дверцам: трое с револьверами берут на себя охрану, двое хватают мешки с деньгами и сразу отходят. Твои – наверху лежат в траве – резерв: бегут вместе со всеми к карете и если у кого в чем случится заминка – помогают: дать стражнику по башке, ну и сами увидите. Внимание! – бьет в ладоши. – Репетируем! По местам! Я – карета!

Он неторопливо спускается с холма, закуривает и, помахивая тросточкой, поднимается обратно.

Вдали за его спиной вдруг поблескивает осколок солнца в зеркальце. Зайчик пробегает по листе, заставляя сморгнуть глаза меж листьев. «Приготовились, – произносит негромкий голос. – Пошли!»

С воплем выскакивают три группы по пять с трех сторон:

- Стоять!
- Не двигаться!
- Руки вверх!
- Стрелять буду!

Один сует оглоблю поперек пути Антони. Другой делает странные движения ножом, как будто пилит воздух. Третий трясет револьвером.

– Хорошо! Завтра в десять утра – всем на месте. И – повторяю! – членам пятерок между собой не знакомиться! Не знать, не помнить, никаких имен и примет! Поняли?

– Поняли, Вольдемар Аристархович.

8.

Черная карета с двуглавыми гербами на дверцах бодро катит через зеленый солнечный пейзаж. Ровной рысью колотит пыль гнедая пара, редкие щелчки кнута разнообразят тишину. И за ней – два стражника верхами: белые рубахи, красные погоны, перекрещенные ремни.

Веснушчатое толстогубое лицо высовывается вслед над травой. «Здоровые, черти», – шепчет он, обмеряя глазами толстые спины верховых стражников и, приподняв зеркальце, начинает посылать сигнал.

Тяжелое дыхание в кустах. Тяжелое дыхание за кромкой карьера.

Карета, замедлившись до шага, поднимается на верх холма.

– А-а-а-а!! – раздается бессмысленный, нервный и оттого злобный вопль со всех сторон. Но звук какой-то... неубежденный...

Пятерка из кустов хватается под уздцы лошадей, двое пытаются стащить с козел кучера, два резких щелчка кнута ожигают лицо одному, руки другому, происходит заминка.

- Н-но! – орет кучер, хлеща коней.
- Стоять!
- Стрелять буду!

Пятерка из карьера: один сует оглоблю меж спиц переднего колеса, но карета страгивается с места, не всунутая еще оглобля соскальзывает, отскакивает, а сидящий рядом с кучером стражник, вырывая из кобуры револьвер, сапогом бьет экспроприатора в лицо, и тот падает, роняя свой несостоявшийся оглобельный тормоз.

Двое режут построшки, стражник грохает раз и другой из своего 4,2-линейного полицейского смит-вессона, и тогда тот из нападавших, что неуверенно стоял позади других с револьвером, вопит:

– Руки вверх! – и тут же дважды стреляет стражнику в грудь. Тот валится с козел на землю, а стрелок, тяжело дыша, бессмысленно смотрит.

Конные выхватили шашки, не подпуская нападающих к дверцам кареты.

– Разбойники!!! – дурным голосом вопит наконец кучер, работая кнутом, но махновские братья висят на уздцах храпящих коней.

В боковое окошко кареты просовывается рука с револьвером и палит шесть раз подряд! Один из нападающих хватается за плечо. На спине другого набухает красным узкая полоска сабельного следа.

– Стреляй их, хлопцы! – кричит Нестор, целится, прищулив глаз, и попадает точно в лоб одному из двоих конных.

– А-а!! гаденыш!! срублю!! – вопит второй, шпоря коня на щуплого убийцу и вздымая в замахе страшный сине-бритвенный клинок.

Нестор спокойно спускает курок. Щелк. Осечка! Еще осечка! И еще! Он злобно щерится и, следуя неизбежности, в последний миг отскакивает и бросается в кусты от осатаневшего стражника.

Бегство брата несколько смущает его пятерку, и они невольно ослабляют хватку – и прискают в сторону от налетевшего на них конного.

Хлопают еще несколько револьверных выстрелов редко вооруженных налетчиков, но поспешность и мандраж сбивают прицел.

Трое все же рвут на себя дверцу – и навстречу им гремит выстрел из карабина! Они отшатываются, один мгновенно получает удар стволом под подбородок и падает!

Кони, наконец, рвут с места под отчаянный нахлест кнута и вопли кучера:

– Н-ну!! Н-ну!! Па-ашли!! залетные!!

И карета отчаянно летит вниз с холма, бешено пыля. На скаку оставшийся конный, сбросив в ножны клинок, рвет из-за плеча карабин и, не целясь, выпускает назад всю обойму. И со звоном вылетает заднее окошко кареты – еще четырежды брызжет огнем и грохочет высунувшееся дуло карабина, обшарпанное до белизны.

Охает, хватается за плечо и оседает один из юношей.

Нестор, стоя посреди дороги и щерясь, кончает перезаряжать свой револьвер, замыкает барабан и стреляет, целясь в карету. Осечка! Осечка! Он с силой швыряет оружие в пыль и бешено топает ногами.

9.

Антони хватается за виски:

– Идиоты! Бестолочи! Пятнадцать человек, три шпалера! Простое дело доверять нельзя.

– В следующий раз все сделаем как надо, – угрюмо обещает Нестор. – А револьвер для серьезного дела негодный. Осекается!

– Ты его хорошо спрятал? Никто не найдет?

– Обижаете...

Три юноши, старшие «пятерок», понурили головы.

– Первыми – связи со мной не искать. Затаиться! Мне нужно на какое-то время исчезнуть... – И Антони, перейдя улочку, садится на извозчика. Отъехав, говорит ему:

– Сейчас на постоянный двор, там пойдешь принесешь два чемодана. И рысю на станцию! – Озабоченно смотрит на часы.

10.

В кабинет следователя, где хозяин в мундире сидит под портретом Государя, входит давешний конный стражник, гремя ножнами и сапогами.

– Присаживайся. Ну – написал? – следователь изучает поданный ему рапорт о происшествии. – Теперь так. Первое. На выпей водички. Пей, я сказал! Второе. Закуривай, вот тебе папироса. Успокоился? Расслабился? Молодец, братец. Теперь вспоминай все в подробностях. Сколько человек? – берет перо, омакивает в чернильницу. – Сколько лет на вид? Какого роста? Начинай по порядку с того, кто был к тебе ближе...

11.

Ограбленная не так давно ювелирная лавка в Александровске: сыщик сидит перед хозяином и терпеливо записывает:

– А выговор у него какой? Ну, а хоть цвет глаз-то разглядели?

12.

Антони глядит в окно поезда на пролетающий пейзаж. Разворачивает газету и подмигивает рекламе парижских мод на фоне Эйфелевой башни.

13.

В глинистом карьере обочь дороги на холме лазает полицейская бригада. Поднимают папиросный и махорочный окурки, горелую спичку, пуговку от сорочки.

– А следы-то остались! Хороший грунт, суспензия, что твои отпечатки! – Двое рулеткой меряют отпечатавшиеся в глине четкие следы подошв, третий зарисовывает их в планшет, сличая с натуральной величиной.

14.

В трактире Нестор и один из «боевой группы» пьют чай с кренделем.

– У меня Клима и Тимоху ночью взяли, – говорит парень. – Если что – ты меня не видел, я тебя тоже.

15.

В комнатке мастера пристав смачно беседует со старшим братом Емельяном, искоса следя за выражением лица мастера:

– Ты в ту пятницу в десять утра где был?

– Да где ж мне быть – здесь, на работе.

– Свидетели есть?

– Свидетели? Ермолай Кузьмич, скажите их благородию.

Мастер степенно кивает.

– Одна шайка-лейка... договорились! – ярится пристав.

– Зачем же так. Сейчас наряды поднимем. А наряды – они не пустые бумажки, по ним деньги плотют. – Мастер вынимает из ящика конторки кучу бумаг и удовлетворенно отыскивает нужную: – Вот извольте читать. Семь утра. Получил, приступил. Пять вечера – сдал. Работа с металлом, кропотливая...

Пристав в сомнении щурится и морщится.

Мастер украдкой подмигивает Емельяну.

16.

Полицейский тонким металлическим шупом методично тыкает землю в огороде. Вот наткнулся на что-то. Напарник с лопатой копнул.

И вынимают из земли завернутый в тряпицу несторовский револьвер.

17.

Ночь, грохот в дверь, Нестор мгновенно просыпается и выпрыгивает в окно – попадая прямо в объятия поджидавшей полиции:

– Ну, здравствуй... голубь сизокрылый!.. – И, поскольку он вырывается, тяжелый кулак бьет по почкам.

18.

– Принимай обед! – Форточка распаивается в железной двери, и мятая миска с кашей встает на полочку.

Нестор, фингал под глазом и распухшие губы, волочит ноги к двери, звеня кандалами. Берет миску – и резко выплескивает в форточку (явно в лицо раздатчику):

– Сам жри, сатрап! Твой кусок!

19.

Следствие тянет жилы и мотает нервы:

– Итак – когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с политическим ссыльным Вольдемаром Аристарховичем Антони, членом подпольной партии анархистов-коммунистов?

– У анархистов нет партии, – презрительно бросает Нестор. – Мы ее отрицаем. Человек должен быть свободным.

– Так-с. А свою принадлежность к анархистам, стало быть, не отрицаете?

– А чего отрицать? Все вольные люди – анархисты!

20.

Падает снег за маленьким решетчатым окном. По семь крестиков в ряд прокарябано и прочеркнуто на стене камеры: недели и месяцы.

И меняет календарь следователь в кабинете.

И впервые длинны отросшие в тюрьме волосы Нестора, уже на плечи ложатся пряди.

– Два стакана чаю! – приказывает следователь вызванному звонком солдату.

Разделенные с подследственным столом, они отхлебывают из стаканов и закуривают папиросы из одной пачки.

Глядя Нестору в глаза, следователь захлопывает толстый том «Дела» и начинает писать в графе «Закончено...».

– Одно не пойму я, Михненко Нестор Иванович...
– Чего?.. – равнодушно откликается Нестор.
– Дурачок ты или звереныш?
– Придет срок – придет и наш праздник. Тогда поймете.
– Деньги ты грабил – для революции. Хорошо – это я понять могу. Но убил ты – простого мужика, человека из народа, который просто исполнял свою службу!..
– Вашу службу сполнял, – непримиримо говорит Нестор. – Вот свою судьбу и выбрал. За воши грёбши жизнь свою отдал – ну и дурак!

21.

Роскошный весенний малороссийский пейзаж: кипящий цвет садов в зелени просторов, и высокая голубизна небес, и солнце плывет и дробится в реке.

И за высокой беленой каменной стеной – тюремный двор, и гуськом по кругу тащатся заключенные – кандалы и полосатые робы: прогулка.

22.

– Именем Государства Российского!..
Зал встает с шумом и замирает. Побледневшие лица, сжатые рты, глаза в темных кругах. Вот и четверо братьев Махно в четвертом ряду, и поседевшая мать меж ними, поддерживаемая.
А вот и десяток обвиняемых встали со скамьи у стены, отделенные высоким дубовым барьером, и охрана с примкнутыми штыками вытянулась «смирно».
– ...суд объявляет приговор... – пытается придать голосу торжественность председательствующий, но слова звучат обыденно, невыразительно:
– ...Григоренко Родиона Остаповича – к смертной казни через повешение...
Женский вскрик и рыдания в зале.
– ...Авруцкого Григория Яковлевича – к смертной казни через повешение...
Кого-то выносят из зала.

23.

Тюремный двор. Раннее утро. Свежий дощатый помост, виселица, три петли. У помоста – десяток некрашенных сосновых гробов.

Приговоренные, охрана, экзекутор в чиновничьем вицмундире и два человека в штатском и заурядной внешности на помосте – палачи.

Первую тройку заводят на помост, связывают руки, мешки на голову, петли на шею. Священник на помосте молится и смолкает, делая жест крестом в сторону обреченных. Экзекутор чуть кивает. Палач у края помоста с силой дергает на себя высокий массивный рычаг. Под ногами осужденных падают, как ставни на шарнирах, широкие люки.

Томительная жуть ожидания длится четверть часа – давно прекратились конвульсии тел, по пояс провалившихся в прорези помоста. На глазах у остальных – палачи снимают петли и смертные клобуки, доктор щупает пульс на шее и кивает, тела кладут в гробы.

И следующая тройка, бросив докуренные папиросы и обменявшись деревянным рукопожатием, поднимается на казнь.

Одного из последней тройки тошнит, лицо зеленое от смертного ужаса, доктор сует ему под нос нашатырь.

Нестор на помосте в последней тройке. Пока мешок надевают соседу, он успевает сказать – отчетливо, негромко и без спешки:

– Прощайте, хлопцы. Мы жили правильно. Свобода придет!

Черная ткань скрывает лицо, петля затягивается, палач берется за рычаг.

Экзекутор поднимает к глазам лист и читает – тоже отчетливо и негромко:

– Его высокопревосходительство военный министр, имея на то высочайшие полномочия и руководствуясь человеколюбием, снисходя к несовершеннолетнему возрасту осужденного, объявляет помилование Михненко Нестору Ивановичу и повелевает смертную казнь заменить на пожизненные каторжные работы.

Палач снимает петлю и кlobук. Все с невольным вниманием смотрят в лицо человека, только что вернувшегося уже с того света.

Нестор кривится и сплевывает. У этого парня нет нервов.

– Не купите, – бросает он. – Вам же хуже!

Глава третья

Царская каторга

1.

Бескрайний простор, золотые нивы и тенистые дубравы. И по пыльному шляху, в колонну по два, звеня кандалами, тащится жидкий строй каторжников: забритые наполовину головы, полосатые робы, сутулые спины. Сплевывают сухими ртами конвойные, скрипит и вскрикивает в зарослях коростель, вызванивается под высокими небесами унылая мелодия:

Динь-дон, динь-дон – слышен звон кандалный, динь-дон, динь-дон – путь сибирский дальний, динь-дон, динь-дон, слышно там и тут – нашего товарища на каторгу ведут... И вдруг один застывает посреди шага, странно прогибается, откидывая голову, и валится навзничь в пыль, чуть не увлекая с собой прикованного напарника. Строй приостанавливается, смешивается.

– А ну! Встать! Балуй у меня! – орет конвойный, сдергивая с плеча винтовку и щелкая затвором.

– Припадошный он, вашеродие. – Напарник, присев, поддерживает Нестору голову. «Ты язык-то, язык прижми, задохнется. – Да чем я тебе его прижму? – Да хоть ложкой, дурья башка. Ложка-то есть?» – Из угла рта у Нестора показывается пена.

– С чаво это он припадошный? – конвойный нагибается, вглядываясь с недоверчивой враждебностью.

– А вот постой в петельке да смертном балахоне, я на тебя погляжу, – мрачно раздается из колонны.

– Малча-ать! – орет солдат. – Подняли! Понесли! Не богадельня! – И, восстановив движение, напутствует: – Раньше сдохнет – меньше хлопот.

Нестор, повиснув на плечах товарищей, оттирает рот и хрипит:

– Ваши большие хлопоты еще впереди, служивый.

2.

Прикладами в спину – каторжников запихивают на ночь в переполненную камеру пересыльной тюрьмы.

– Да куды ж еще суετε, драконы? – негодуют оттуда.

– Уж и так как селетки в бочке, дышать немає чем!

Надавливая, стража закрывает дверь, окованную железом.

– Да хоть напиться принесите! Вода в бачке кончилась.

– До утра потерпишь.

Разбираются по нарам и под нары, прилаживаются лежать на боку плотнее лежащим строем, организуются спать в три очереди.

– Ничо, – легко цедит Нестор, – я постою. Люблю ночью не спать... подумать...

3.

В вагоне кипит жизнь. Уголовники делают карты: жуют и протирают хлебный мякиш, склеивают им кусочки газеты, обрезают отточенным ножом, химическим карандашом рисуют масть. Двое политических из того же хлеба лепят шахматы, добавляя в белые фигуры для цвета

зубной порошок. Мрачный в очках читает книгу, скрестив ноги по-турецки. У оконной щели
курильщики пускают на круг самокрутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.